
Геннадий
ПИСКАРЁВ

КРАДУЩИЕ
СОВЕСТЬ

Геннадий Александрович Пискарев

Крадущие совесть

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24725783

Геннадий Пискарев. Крадущие совесть: ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2011

ISBN 978-5-98604-270-1

Аннотация

«Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи», – эта библейская мысль, перерожденная в сознании российского человека в не менее пронзительное утверждение, что на праведнике земля держится, является основным стержнем в материалах предлагаемой книги. Автор, казалось бы, в незамысловатых, в основном житейских историях, говорит о загадочном тайнике человеческой души – совести. Совесть – божьем даре и Боге внутри самого человека, что так не просто и так необходимо сохранить, когда правит бал Сатана.

Содержание

Вне закона	5
Часть I	15
Слободзейские яблоки	16
Теплые дни осени	23
Шаль для свекрови	31
Продолжение рода	38
Соседи	44
Слепая любовь	50
Иначе – ты чужой	56
Словно чистая криница	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Геннадий Александрович
Пискарёв
Крадушие совесть**

© Пискарёв Г.А., 2011

* * *

Вне закона

*Чем подлее сегодняшний день,
Тем благороднее нам кажется вчерашний.*

Л. Устинов

Вынеся в эпиграф вступительной своей статьи высказывание известного современного драматурга-сказочника Льва Ефимовича Устинова, я вовсе не хочу, говоря о нынешнем нравственном состоянии общества, предстать перед сегодняшним молодым и «продвинутым» читателем таким маргинальным представителем отстоя, ностальгирующим по ушедшим райским, советским временам. Райских времен, по моему мнению, в чистом виде на обозримой памяти человечества никогда и не бывало. Нормальные периоды, нормальные государства, в отличие от теперешней эРэФиИ, да, имели место быть. Но в них постоянно существовали два класса, находящиеся вне закона: уголовный и правящий. Во время революций они менялись местами.

Мысль эта не моя – Максимилиана Волошина. Но, призадумавшись над нею, приходишь к неутешительному выводу: законы, правовое государство, которое мы якобы строим и которое должно бы охранять нас от криминальных посягательств кого бы то ни было, – вещь, мягко выражаясь, не вполне надежная во всех отношениях.

Но как же тогда жить? Ответ в принципе простой – по совести. Не по понятиям, а именно по совести, той самой, что есть шире закона и является чутьем человека, ориентированным на проявление истины и справедливости. Совесть – тайник души, в котором отзывается осуждение или одобрение человеком собственных поступков и поступков окружающих его людей. «От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь». Ни какую-то, а эту народную поговорку привел Владимир Даль, характеризуя всесторонне самое главное состояние души – совесть. Чем и отождествил великие понятия: Совесть и Бог. Точнее заявил: Совесть – это Бог.

Кто же поставит во главу угла в наших общих делах, делах государственных этот феномен? Кто будет вглядываться в тайник души человеческой, извлекая из него чистоту помыслов и воспитывая людей на принципах добра, справедливости и единения? Нынешнее якобы буржуазное (на самом деле криминальное) государство, которое великомудрые управители надеются построить без рабочего класса – пролетариата (своего могильщика)? То самое государство, объявившее наглую приватизацию народного достояния как не подлежащую сомнению, освятившее частную собственность? А ведь ее еще Прудон, а не Маркс и Энгельс, называл ее грабежом. Да что там Прудон: в Святом Писании было провозглашено: «не собирайте себе сокровищ на земле».

Надежда на церковь?.. В свое время мне немало пришлось говорить о роли христианства, ислама, других рели-

гий, положивших основы нравственного, духовного фундамента под стояние человека на земле, исходившего от одного глубинного корня – веры. Веры в божественную сущность бытия. Это должно было стать залогом единения людей, действий их по законам совести (божеской), не смотря на некоторые конфессиональные нестыковки людей различных национальностей.

С каким воодушевлением, помнится, печатали мы в журнале «Природа и человек» («Свет»), где довелось мне занимать пост заместителя главного редактора, материалы, выступления духовных пастырей, церковных иерархов, скорбящих о потере этой самой веры и совести у граждан новой России. Приведу для примера монолог отца Иоанна Переславского.

«Образ белой царской усыпальницы, где над гробницей, предуготованной Николаю II – зияющая пустота, угрожающе встает перед Россией, как страшное знамение. Беды, катастрофы, национальная рознь, человеконенавистничество, жестокосердие, психическое напряжение, ложь, лицемерие, бесстыдство, коррупция мысли, распад социальной системы, теневая экономика, мафия, разнузданный блуд, полная атрофия совести и абсолютное непонимание самой природы греха – вот оно мрачное и большей частью сбывшееся пророчество Иоанна Кронштадского о... нашествии на Россию воплощенных демонов... явившихся в человеческом теле духов зла».

К великому сожалению, голос Иоанна Переславского и голос многих достойных людей потонул в многоголосом визжащем хоре алчущей наживы «черни», разбуженной людьми с так называемыми «политическими взглядами», для которых слова, как известно, имеют зачастую большее значение, чем поступки. Да и получившие свободу самовыражения церковные деятели не очень-то рьяно действовали в плане укрепления тех своих позиций, за отстаивание коих могли бы снискать великое звание совести нации. Ведь для этого в первую очередь требовалось критически взглянуть на самих себя, на собственное прошлое. Русской православной церкви, в частности, не помешало бы заглянуть в 1666 год, именуемый началом раскола русского православия – на никонианство и старообрядчество. Что, вообще-то, является началом русского раскола, сформировавшего новую ментальность, в результате чего нетерпимость и враждебность друг к другу стали у нас чуть ли не родовой чертой.

Да, в своих чаяньях, надеждах в борьбе со злом мы уповаем на церковь, но только, если она действительно христово тело, а не тот институт, что совместно с нынешними властителями освещает частную собственность, то есть грабеж народа. Как когда-то, прикрываясь поправками некоторых духовных текстов и заменой накладывания двуперстного крестного знамения на трехперстное, осветила земная, а не небесная цитадель становление нового общественного строя, где людям требовалось ощущать себя уже не детьми

божьими – рабами. Сие действо есть чистой воды идеология, которую церковные иерархи предают, как и нынешняя светская власть, анафеме.

Идеологии же без идеи не бывает. По поводу чего религиозный мыслитель Ф.М.Достоевский говорил так: «Смеются над идеей лишь радующиеся праву на бесчестие». Следовательно, не просто так и не случайно предается у нас анафеме по сути дела лишь то, что касается идеи советского периода нашей истории. Хотя, как ни странно, в те годы согласие в обществе прогрессировало. Почему?

Не буду повторять затасканных штампов об организующей, вдохновляющей и направляющей роли партии (что, безусловно, было) в формировании новой общности – советского народа. Сошлюсь на конкретный факт, лично осознанный. В семидесятые годы, связав свою судьбу с девушкой-москвичкой, женившись на ней, обрел я этикие родственные связи с весьма и весьма неординарными людьми, в результате которых мои дочери стали двоюродными сестрами правнучки Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого. В.Ф. Войно-Ясенецкий – он же архиепископ Симферопольский и Крымский Лука, по кончине своей канонизированный, причисленный к лику святых, был при жизни еще и выдающимся нейрохирургом, лауреатом Сталинской премии. Верующего хирурга трижды арестовывали, но от религиозных взглядов Валентин Феликсович не отказался, проповедуя то, что между телом, душой и духом существует постоян-

ная связь и взаимодействие. В семье рассказывали историю, как И.В.Сталин, узнав, что удостоенный премии его имени хирург верит в бога, приказал доставить в Кремль врачующего священника, задал при встрече тому следующий вопрос:

– Вы сделали тысячи операций, прооперировали, по всей видимости, все органы человека. Нашли ли Вы в каком-либо из них душу человека? Верите ли Вы, что она есть у людей?

В.Ф. Войно-Ясенецкий не стал торопиться с ответом, подумал, а затем сказал:

– Иосиф Виссарионович, можно Вам задать встречный вопрос?

– Можно.

– Верите ли Вы, что у человека есть совесть?

И.В. Сталин задумался, а потом ответил:

– Верю.

– Иосиф Виссарионович, – улыбнулся будущий святой Лука, – я прооперировал многих людей, вскрывал многие органы человеческого тела. При этом совесть в них не нашел.

... После столь значительного разговора с вождем, бессовестно оклеветанным впоследствии храмовержцем Никитой Хрущевым, его последователями, Валентина Феликсовича власти не беспокоили. В Краслаге, где находился в заключении Войно-Ясенецкий, ему со временем поставили памятник.

Вера Сталина в наличие совести у человека (а стало быть,

и Бога. – Г.П.) многое объясняет в поступках и действиях «дяди Джо». Вера – чувство сакральное, его истинно верующие, в отличие от нынешних «подсвечников»-циников, несут в себе гордо и сдержанно. Эта вера, проявившаяся и в верховном правителе, и в народе, к коему, как к братьям и сестрам, по-библейски обратился в лихую годину вождь, подняла граждан страны Советов на невиданную борьбу с невиданным доселе по изощренности, коварству и силе сатанинским злом – фашизмом. Эта вера помогла одержать победу, помогла поднять из руин разрушенные города и села, сделать жизнь людей радостной и уверенной. Безбожное атеистическое общество сохраняло в глубине души своей великий стержень – совесть и веру. И пока это было, Бог помогал нам.

Знаю по собственному опыту, с каким интересом воспринимали советские граждане хотя бы те же публикации в прессе того времени на темы морали. И знаю, что мы, пишущие на эти темы, со школьной скамьи причисленные к сонму материалистов, главным постулатом мировоззрения коих являлся тезис превосходства бытия над сознанием, проводили на практике другую философию: чтобы докопаться до сути, надо добраться до души человеческой, чтобы оценить человека, а уж тем более вызвать в сердце его ответный отклик, необходимо нравственно услышать своего героя.

Что бы там не говорили о временах застоя, и даже более ранней поры, национально-патриотическая часть правящего

большевистского конгломерата, обрусевшего, по выражению высланного некогда из страны философа Николая Бердяева, понимала: с нравственным настроем считаться надо. И тогда прозвучал призыв – нам нужны яркие очерки о человеке труда как носителя высоких идейно-нравственных качеств. Этот клич бросили наследники Карла Маркса (учение оно-го, между прочим, вновь востребовано на Западе и в США), говорившего, кстати, что революции – праздники для угнетенных, но очень трудно, с нежеланием идут на них массы.

Не могут, никак не могут простить отечественные наши либералы коммунистам и народу, объединенным единой целью и волей, свершенных ими великих подвигов и веры в светлое будущее. Пляшущие, словно мошकारа, в лучах солнца Запада (определение П.Я. Чаадаева) доморощенные либералы делают все, что могут, дабы лишить соборности людей, коллективизм у которых заложен на генном уровне. Они выбиваются из сил, пытаются сбить со своего пути развития презираемый ими самый непокорный сатанинскому насилию народ. Раздирая по живому суть его, зомбируя соотечественников, оглушая, убивая их из пушек всех калибров электронных СМИ, сподвижники дьявола крадут и уничтожают опору человекостояния на Земле – совесть. Они плюют в этот тайник души, топчут, разбивают вдребезги погаными ножищами, как разбивали на мелкие кусочки и перемалывали в пыль коваными сапогами мраморную гробницу матери Александра Невского, что покоилась в монастыре под

Великим Новгородом, псы-рыцари – гитлеровские головорезы. И, подобно одиозному Александру Солженицыну, подписавшему состряпанный в недрах ЦРУ «Архипелаг Гулаг», вынашивают они ту же животную злобу ко всему русскому и советскому, что и возведенный ими на пьедестал амбициозный вития, облевавший творчество М.А.Шолохова, оплевывавший поэтическую малую Родину С.А.Есенина. И ведь это он, впоследствии якобы раскаявшийся, изрыгнул (уму не постижимо): «Россия должна замкнуться в пределах Московского княжества» и что «нет на свете нации более презренной, более чуждой и ненужной, чем русский народ».

Перестройщикам-передельщикам, понятно, претят другие слова, произнесенные, скажем, одним из почитаемых западных мыслителей в Сталинграде, на Мамаевом кургане, у могилы советских воинов-интернационалистов: «Здесь захоронена совесть XX века». Хотя зашоренные ненавистью к многострадальной, великой еще совсем недавно державе, вскормившей их, давшей им образование и свободу самовыражения, чревообразные особи надеются и впрямь, что совесть народа им удалось закопать бесповоротно и навсегда. Ой, ли!

Пролетарии всех стран (ах, извините, вырвалось нечаянно – *Г.П.*), люди доброй воли, объединяйтесь!

Геннадий Пискарев

P. S. В предлагаемой читателю книге приведены очерки и заметки, написанные мною, как в советское время, так и в

период грабительского разгула, именуемого новоделами восстановлением справедливого капиталистического общества. Из них ясно видно: ЧТО порицали и отстаивали мы, «совки», ЧТО находило в ту пору поддержку народа и власти. И, быть может, немного другими глазами глянет околпаченный современный читатель на бесовщину, правящую бал сегодня. И вдруг задумается он над старой истиной: Пусть лучше в низких домах живут высокие сердца, нежели в высоких зданиях низкие, мелкие души.

Часть I

Обличаемы совестью

«Образование души – самое высшее образование».

А. Дольский

«Кого Я люблю, того обличаю и наказываю.

И так, будь ревностен и покайся».

Откровение святого Иоанна

«...всякий делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету,

чтобы обличались дела его, потому что они злы, а выступающий по правде идет к свету,

дабы явны были дела его,

потому что они в Боге сделаны».

Евангелие от Иоанна (3:20,21)

Слободзейские яблоки

Как давно это было! Зеленый луг за околицей, поросшая кашкой тропинка, и она, Тамара Гагарина, семилетняя девочка, бежит по ней в соседнюю деревушку на именины к бабушке Варе. Все деревне виден дом именинницы. Просторный и солнечный, с большим количеством окон на запад, восток и полдень. Как часто он будет вспоминаться потом Тамаре! Потом, когда подрастет она и станет женщиной, матерью. Вспомнится и сама бабушка Варя и гости ее. Вот толпятся они и галдят посреди избы, а затем по сигналу бабушки устремляются шумно за стол. И вдруг кто-то спохватится: «А где же Мария? Опять ее ждать приходится».

– Вон, идет-вышагивает, – изменяя обычному своему доб-

родушию, проворчит бабуля. И все обернутся и глянут в заросший крапивой проулок, по которому не спеша, будто что-то разглядывая в огороде соседа, обычно шагала Мария.

Обитель веселья и радости – дом бабушки Вари. Сколько негромких, но милых праздников прошло под крышей его! И что удивительно: ведь эти нехитрые праздники устраивались в послевоенные годы, когда людям жилось несладко, когда их раны еще кровоточили. Бабушка же жила одна-одинешенька, муж ее умер рано, подросшие дочери вышли замуж и поразъехались, старший сын служил в армии, младшенького – Васеньку отняла у бабушки война. Но врожденное жизнелюбие и добросердечие не только не дали очерстветь или замкнуться бабушкиной душе, но и постоянно побуждали ее делать что-то хорошее для других, обласкать кого-то, устроить праздник. Каким добрым лекарством бывал он для измученных лишениями и невзгодами бабушкиных знакомых, родных ее, каким светлым днем становился он для ребят, видевших своих матерей и отцов в эти часы веселыми и беззаботными! И только, помнится тетя Маруся, как остров среди бурной реки, была всегда в этих случаях замкнута и угрюма. Иногда она пела, но таким заунывным голосом, что и веселые, бодрые по смыслу песни превращались в тоскливые и печальные.

Тетю Марусю такую сделала война, забравшая навсегда у нее мужа и оставившая на вдовьих руках двоих малолетних ребят, дочку и сына. По-разному люди переносят беду, по-

разному лечатся от невзгод. Мария переносила свое горе самым невероятным образом и никак не лечилась от него – она замкнулась в себе. В обычное время трудовых, неистовых будней ее замкнутость и напряженная тоскливость в глаза бросались не очень, но в минуты веселья о них спотыкались все. И раздражалась. А она, наверное, ждала участия и сочувствия. Но так уж, видно, устроен мир. Веселясь, он хочет, чтобы все вокруг веселилось.

Как давно это было! И вот снова Тамара Ивановна в краю, где прошло ее детство. Нет теперь бабушки Вари, нет и дома ее. На месте его бурьян и крапива. Но тетя Маруся жива. Она уже бабушка, пенсионерка и вроде бы не так, как прежде, строга. Но строга и серьезна не по годам Тамара. Не очень мило обошлась с нею жизнь. Раннее замужество, скитания по чужой стороне, потеря супруга и вдовья доля, доля женщины, растящей детей без мужчины в доме. Схожа во многом судьба ее с судьбой тети Маруси, как похожа характером и отношением к жизни с нею Тамара. Значит, быть у них долгому задушевному разговору.

...Несколько раз подогрелся потухающий самовар, не одна уже чашка чая была выпита и с малиновым, и с клубничным вареньем, а разговор у двух женщин кружился и кружился около воспоминаний о бабушке Варе и праздниках, ею устраиваемых. Хороший, теплый такой разговор. Правда, Тамаре не терпелось перевести его на другую тему, очень ее волнующую. Но не могла она сделать этого. Потому

что увидела: сидит перед ней не та тетя Маруся, какой помнилась ей. Не властно-печальная и непреклонная женщина, а улыбочиво-добродушная бабушка. И как бы Тамара осмелилась навязать иной разговор, неизвестно, если бы она не спросила сама:

– Сынишка-то твой как без батьки растет?

И тут Тамара дала волю чувствам своим и словам. Сынишка? А что, разве плохо ему с родной-то матерью, которая здоровья своего не щадит, работает денно и нощно, лишь бы в доме достаток иметь, лишь бы он, сынишка этот, был одет и обут, напоен и накормлен не хуже других. Ради него она о себе забыла, о молодости своей, только бы какой «дурной слух» не коснулся сыновьего уха. С той поры, как она овдовела, ни один чужой мужчина на порог ее дома и ступить не смеет. Конечно, что говорить, вдовья доля – она не легкая. Ну да ничего: нас так просто не сломишь, не правда ли, тетя Маруся?

Тетя Маруся, а вернее бабушка Маня, терпеливо и внимательно, но с какой-то грустью в глазах долго слушала излияния молодой матери и сказала:

– А ведь с тобой, Тamarочка, наверное, очень трудно быть вместе!

– А я не хочу ни с кем быть.

– А с сыном? Мне, кажется, и ему нелегко видеть тебя постоянно такой вот натянутой.

– Для него же стараюсь.

– Не надо ему такого старания, – вздохнула бабушка Мани. – Я тоже когда-то думала об этом, как ты.

И услышала в тот вечер Тамара Ивановна от старенькой тети Маруси такое, в чем та и себе-то, наверное, признавалась нечасто. Она услышала исповедь женщины, которая во имя детей своих отказалась от личного счастья.

– Да, Тамара, отказалась. Замкнулась в тяжелом мире своем, никого не допускала туда. Казалось тогда мне, что детям от этого лучше станет. Считала: свободная и независимая, я им полное счастье смогу принести. И забыла совсем, что огонь-то от огня зажигается. Счастье другому может дать лишь счастливый человек. А могла ли я быть таковой, если отгородила себя ото всех.

И вдруг посерьезнело, посуровело лицо бабушки Мани. В памяти Тамары вновь всплыли картины далекого детства, тогдашние разговоры родни о том, что тете Марусе предлагает руку и сердце один почтенный мужчина, а она, подумайте только, отвергает его. «Гордячка несносная!» И увеличивался разрыв между родственниками и тетей Марусей. Молодая, двадцативосьмилетняя женщина начала уходить в себя, погружаться медленно в одиночество. И в этом мучительном состоянии Мария стала, видимо, находить какое-то удовлетворение. Свою отчужденность и неконтактность она не то чтобы тогда демонстрировала, а величаво несла. Никто не хочет понять ее вдовьего горя, не ценит жертвенности. Ну что ж. И не надо. Но иногда Марии становилось очень обид-

но. И незаметно для себя, одолеваемая безутешной печалью, она начала отказывать в ласке детям. А ребенок без ласки, что трава без солнышка, блеклым растет.

– И получилось вот, – вздохнула горько бабушка Маня, – вроде бы неплохие ребята мои, как будто внимательные, да только уж слишком сдержанные. Не чувствую, поверь, не чувствую горячей их привязанности ко мне. Что ж, сама холодна была с ними, пенять теперь не на кого. Знаешь, Тамара, я иногда обо всем этом думаю еще горше. Уж о детях ли заботилась я прежде всего, когда отвергала некогда предложения мужчин выйти замуж? Не о собственном ли только спокойствии пеклась я в ту пору? Не тешила ли я всем этим самолюбие свое да гордыню? Вот мы целый вечер о бабке Варваре толковали. Завидую я ей. Да и все, наверное, ей похорошему завидуют. Светло, радостно прожила она жизнь. В памяти у многих осталась. А ведь тогда, грешным делом, в душе я поругивала, обвиняла ее в простоте, и в беззаботности. А она всего-навсего не хотела выставлять на народ беды свои, делать из них несчастье всеобщее. Мудра была бабка Варвара. Поучиться б у ней доброте и щедрости сердечной. Так что бойся, Тамара, душой зачерстветь, бойся! Посмотри, подумай, как дальше налаживать жизнь. Работящая, видная ты. Если есть человек хороший, участие к тебе имеющий, соглашайся, выходи замуж. Это и для сына твоего – счастье! Худое это дело, когда парень без мужской поддержки воспитывается.

С того памятного разговора времени прошло немало. Отгостила в родных краях и уехала на работу Тамара Гагарина. Потом до бабушки Мани дошли слухи, что сменила свое старое место жительства и переехала куда-то на юг. Куда, никто толком не знал. Постепенно встреча забылась.

Но однажды по осени почтальон принес Марии уведомление на получение посылки с фруктами. На обратном адресе значилось: пришла она из молдавского села Карагаш, что в Слободзейском районе. Фамилия отправителя была незнакома.

И на другой день, получив на почте фанерную коробку, доверху наполненную душистыми, розовыми яблоками бабушка Маня долго ломала голову: «От кого же такой гостинец?», пока на дне посылки не увидела письмо. «Дорогая тетя Маруся, – волнуясь, прочитала она, – я вышла замуж. Володя, мой супруг, человек, как и я, жизнью побитый, но душевный и отзывчивый. Мы живем дружно. Тихая радость поселилась в доме у нас. Володя с сынишкой учатся играть на баяне. Спасибо тебе за совет. Тамара».

Ах, какими душистыми были эти слободзейские яблоки!

Теплые дни осени

Миловидная девушка, не торопясь, открыла окно стеклянного барьера сберкассы, равнодушно бросила в зал:

– Ну, что там у вас, давайте!

Пожилая женщина в длинной юбке суетливо протянула старательно исписанный, вчетверо сложенный лист бумаги. Кассирша развернула его и стала читать. Вдруг брови ее удивленно поползли вверх:

– Вы... Вы завещаете свой дом и все имеющиеся сбережения государству? Вера Михайловна, разве у вас нет родственников?

Вера Михайловна потупила поседевшую голову, а затем твердо ответила:

– Есть. Но добро пусть пойдет государству.

* * *

Сватов у Виктора Чакина не было. Отдать за него дочку он уговаривал Веру Михайловну сам. Льстил, заглядывал в глаза, встряхивал волнистым чубом: «Вера Михайловна, что вы боитесь? Ну, будет ваша дочь жить со мной, это же рядом. Пятнадцать километров – не тысяча верст. Мы в любое время на велосипеде приедем. Да и поезд три раза в сутки ходит. Вера Михайловна, дров порубить или в чем другом помочь –

разве за мною встанет. Десятку-другую на сахар подбросить – тоже не проблема. На производстве, чай, работаю...»

Вере Михайловне хотелось заплакать, сказать, что дочь у нее единственная, что трудно было солдатской вдове растить ее в суровое военное и послевоенное время. Хотелось сказать, как ради дочери она отказывала себе во всем.

Вырастила дочку – и вот на тебе... Откуда взялся ты, Виктор Чакин? Дочка, где ты нашла его? Ох, горе, ты мое, горе, отпустила тебя на свою голову к тетке погостить. Покатали тебя, неразумную, на велосипеде – и до свидания, мама, замуж выхожу.

Сколько раз вспоминала потом Вера Михайловна этот день, сколько раз проклинала себя, что поверила словам ласковым и обильным. Ведь и в голову не пришло тогда, что хороший человек не краснобайством и лестью славен. Эх, не зря говорят: человека узнать – надо пуд соли с ним вместе съесть.

На свадьбе Чакин говорил и пел больше всех. Екатерина веселая была. Славила зятя теща, хоть и омрачена была словами, что услышала от него в загсе:

– Ну, вот и доказал Нинке! Женился на молоденькой.

А Нинка-то, оказалась, была его первой женой. Разведенным был Чакин. Но ошарашило тогда Веру Михайловну все не то, что зять ее второй раз в брак вступает – мало ли у кого не удалась первая семья, – а то, что женился он на Екатерине, как женился бы на любой другой, не по любви, а

лишь бы доказать первой жене, что, мол, выгнала ты меня, а я другую, не хуже тебя, нашел.

Жить молодые стали в городе на частной квартире. Первое лето Чакин с женой в деревню часто приезжал. Теще, правда, не помогал. Ходил к далекой и близкой родне Веры Михайловны в гости. Родные были люди хоть и не очень обеспеченные, но добрые. Встречали с открытым сердцем. Весел и интересен был Чакин. Сыпал анекдотами, рассказывал смешные истории.

– Ну, Вера Михайловна, зять у тебя прямо душа, – поздравили тетушки и дядюшки свою родственницу.

Вера Михайловна улыбалась, говорила: «Да разве б за плохого человека отдала я дочку». А на душе – беспокойно. И было из-за чего. После свадьбы мать Веры Михайловны, бабушка Варя, зазвала к себе «любимых внучат», Виктора с Катей, открыла свой старый, пронафта-линенный короб, достала со дна его отрез довоенного добротного сукна, протянула Чакину:

– От меня подарок.

Вера Михайловна, узнав об этом, в шутку сказала зятю:

– Бабке-то хоть гостинец из города за это привезите.

Чакин скривил рот, шмыгнул носом:

– Сукно-то гнилое, долго не проносится.

А вскорости молодые захотели побывать в Ленинграде. Перед отъездом теща протянула зятю немного денег:

– Купите мне чего-нибудь.

Привезли конфет, печенья. Чакин, передавая их теще, сказал:

– С тебя, Вера Михайловна, десятка причитается. За труды, за провоз.

«Господи, боже мой, – запричитала она в душе, – да разве я брала с них деньги, когда в праздники, и в будни несла им и сыр и яйца? Не только за провоз и за продукты ни копейки не взято. А даром что ли досталось все?» Вслух же она сказала:

– Конечно, конечно... Я заплачу...

Ах, зачем она не сказала тогда, что думала, зачем потащила неблагодарному человеку! А дочка-то, дочка тут же была. Почему промолчала?

Однажды Екатерина приехала в деревню одна. Мать осторожно начала выспрашивать, как живется ей, как относится муж.

– Горяч, Виктор, – ответила дочь, – упрям. Свое всегда возьмет. Люди говорят, что это мужская твердость... Тут как-то пришла ко мне Таня – подружка моя. Так Виктор с нее шапку меховую сорвал и не отдал. Это за те деньги, что я еще в девичестве дала ей взаймы, а она их мне до сих пор не вернула.

– Да ведь трудно, наверно, Танюшке отдать сейчас, – тихо сказала мать. – На работе у нее не все ладится.

И вдруг Екатерину будто подменили, глаза стали узкие, злые. – Ох, какая ты, мама, жалостливая! Таньке сочувствуешь, а нам нет. А мы вот дом строить задумали, деньги нам

тоже нужны.

– Татьяниним долгом дыры не залатаешь, а счастье свое потерять можешь. Дом, конечно, дело нужное, но из-за него не следует человеческий облик терять. И не заметишь, как засосет приобретательство-то.

Говорила мать дочери верные слова, однако по глазам видела, что слушает ее Екатерина не умом и не сердцем. Знать, дала уже школа Чакина.

Прошли годы. И был у Чакиных свой дом. Были наряды. Ходил Чакин, задрав голову вверх. Первым ни с кем, кроме начальства, не здоровался. Гордился, что жить умеет. В гости к себе приглашал только тех, от кого был в чем-то зависим, или для того, чтобы похвастаться очередной справленной вещью. Говорил, оттопырив губы: «Утру нос любому».

Вскоре ходить к нему перестали. Хвастаться Чакину стало не перед кем. Это начинало его злить.

Книг он не читал, не признавал разговоров о культуре, искусстве, возненавидел одну из подружек жены, которая как-то в его присутствии повела разговор о прочитанных стихах.

– Деревенщина неотесанная! О стихах толкует, как будто и в самом деле культурная.

Жена грустно оглядела ковры на стенах и полу, буфет с изящными рюмочками, которые никогда не вынимались, и, может быть, впервые подумала: «А ведь в клетку меня посадил».

Все реже и реже ходила к зятю теща. Ей было противно

самодовольство Чакина. Как все люди, выросшие на природе, Вера Михайловна любила душевную, добрую беседу. С Чакиным же общий язык она перестала находить. Он считал во всем правым себя. В разговорах возражений не терпел, грубил.

– Вот скажи-ка, Вера Михайловна, что бы ты сделала, если б нашла вдруг клад? – начинал, бывало, заводить разговор Чакин после прочтения в газете заметки о найденном и сданном государству золоте.

– Да государству отдала б, – просто отвечала теща.

Зятя ответ колол, как иглами:

– А что оно тебе дало, государство-то?

– Все у меня от него, вся моя жизнь...

– Ишь, какая идейная! – хмыкал зять. – Как- с трибуны говорит...

Откровенная ненависть к теще появилась у Чакина после того, как Вера Михайловна отказалась принять предложение зятя продать дом и корову, чтобы половину выручки отдать ему. Чакин тогда пристраивал к своему особняку веранду, делал беседку. Денег не хватало, а ждать, когда они скопятся, было не в его натуре. Хотелось скорее доказать соседям, что жить он может лучше их.

– А мне где жить прикажешь? – спросила теща зятя.

– В городе на оставшиеся деньги можно купить половину дома.

– Хорошо рассудил. Мне что, семнадцать лет – по чу-

жим-то углам обитаться?

Чакин, когда теща ушла, чертыхался: «Умна, умна, ма-тушка. Но погоди, придет старость, не попросишься ли ты ко мне жить?»

– Зачем ты так? Мать она все же мне. Да и дом строить помогала нам, – заикнулась было жена.

Но Чакин только свирепо сверкнул глазами.

Старость к Вере Михайловне приближалась неумолимо. Однажды болезнь свалила ее в постель. Спасибо соседям: ходили за ней, топили печь, доили и кормили корову. Еще не оправилась Вера Михайловна после хвори, как приехала к ней дочь, дала совет:

– Поговори с Чакиным, может, к себе возьмет тебя.

– А ты что же, дочка, аль никакого голоса в доме не имеешь?

Промолчала Екатерина, видно было: сдерживает слезы.

– Да не бойся, – успокоила ее мать. – Не буду я вашу жизнь нарушать. Что я, не понимаю разве – житья ни тебе, ни мне не будет, если я поселюсь у вас. Раньше нужно было одергивать Чакина-то, когда он с Танюшки шапку сорвал.

Зять появился у тещи на деревенский праздник урожая. Приехал в шляпе, важный, начал подсчитывать доходы Веры Михайловны:

– Молоко государству продаешь! Мясо тоже, пенсию получаешь, на деньгах сидишь...

– Может, тебе их отдать?

– Отдашь, не отдашь, все равно мои будут. Говорят, здоровьишко у тебя неважное.

Это было уж слишком. «Смерти ждешь, Чакин? Наследства? – горестно размышляла Вера Михайловна. – Да не впрок оно тебе будет!»

...Она шла за пять километров в село, где было почтовое отделение и сберегательная касса. Осеннее солнце грело ей плечи, спину. Знакомые останавливали ее, спрашивали о здоровье, о дочери, о зяте.

– Как же, не забывают, вчера только были.

И горькая улыбка трогала ее губы.

Шаль для свекрови

Когда Володя Ковалев, смиренный, долго не женившийся после увольнения в запас из армии парень, привел в дом Аннушку Морозову, мать вдруг горько заплакала.

В своем доме слез Аннушка не видывала, жила беззаботно и теперь с недоумением смотрела на свекровь зеленоватыми глазами: «Притворяется, что ли? О чем плакать-то?»

Володя, загорелый до черноты, не зная, куда деть руки, несмело топтался около суженой, виновато глядел в сторону матери. А та, чувствуя неловкость сына, еще сильнее стала тереть глаза.

Аннушку все считали красавицей. И иные, поглядывая со стороны на молодых, говорили: «Нет, не пара она ему». Разговоры эти доходили до обоих. И действовали на каждого по-разному: Владимир боготворил Аннушку еще более, а она все чаще задумывалась, а не поторопилась ли с замужеством?

Володя работал за двоих. Старалась не утруждать невестку домашними делами и свекровь. «Пока сил хватает, зачем неволить, – думала. – Вот уж здоровья не станет, тогда Аннушка и поработает, оплатит ей за всю доброту».

Здоровья у матери со временем и впрямь поубавилось. Все труднее и труднее становилось подыматься с петухами, топить печь, прибирать в комнате, ставить молодым поут-

ру горячий завтрак. Сказать же Аннушке, чтобы она взяла часть забот по дому, стеснялась. А та – то ли не догадывалась, что матери тяжело хлопотать по дому, то ли не хотела обременять себя – по-прежнему сладко спала до позднего часа, не соизволив накануне принести даже ведра воды. И в душе свекрови копилась обида, никому не высказываемая и оттого еще более горькая. Когда-то очень веселая женщина, она редко теперь улыбалась соседям, невестке, да и сыну, не сумевшему или боявшемуся «повлиять на жену».

Аннушка, чувствуя порой на себе тяжелый взгляд свекрови, недовольно сжимала рот и уходила. «Она не любит меня, а я почему-то должна ее любить», – злилась невестка. Обстановка в доме накалялась, и, кто знает, чем кончилось бы все, если б однажды не произошла эта встреча...

Аннушка решила купить модные босоножки на «платформе». Но ни в сельмаге, ни в районных магазинах их не было.

– Может в Москву съездишь? – угрюмо сказала свекровь.

– А что – и поеду! – вскинула голову Аннушка. – И стала собираться в дорогу.

Плацкартных и купейных мест не оказалось, и Аннушка, немного поворчав, вместе с другими взяла билет в общий вагон.

В крайнем купе, куда Аннушка прошла вместе с женщиной среднего возраста, на нижней полке дремала сухонькая, небольшого роста старушка. Под боком у нее была скомкана

подушка, в ситцевой, с красненькими цветочками наволочке.

– С комфортом едет бабуся, – улыбнулась женщина. – Хоть в общем вагоне, да с подушкой.

Бабушка открыла глаза, обвела ими своих новых соседок, миролюбиво спросила:

– Сколько до Москвы-то ехать, доченьки?

– Да часов восемь еще.

– Ну вот и отмаялась. Добрались до белокаменной. От нее до Орла рукой подать.

– А издалека ли едешь, бабуся?

– Издалека, детки. Из-за Байкала.

– И все в общем?

Бабушка кивнула головой.

...У Дарьи Никифоровны было три сына – один статнее другого. И мать не чаяла в них души. Лишившись во время войны мужа, она не щадила сил своих, только бы дети не знали лиха. Работала в колхозе не покладая рук, за приусадебным участком следила, в воскресенье умудрялась «обернуться» до Орла, продать там две пятилитровые четверти молока или корзинку лука с огорода. На вырученные деньги покупала то ситцу кусок, то что-то из обуви ребятам. Хоть и трудно, а парней одевала лучше, чем иные с отцами. И чего там – баловала, баловала их.

– Наломаются еще, – говорила мать, когда кто-либо из соседей советовал ей определить парней на работу.

Ее сыновья были единственными на селе, кто окончил в ту тяжелую послевоенную пору по десять классов. Окончили и разлетелись в разные стороны: старший уехал в Читинскую область на прииск, средний устроился на заводе в Минске, а младший поступил в геологоразведочный институт.

Опустело в доме. Теперь Дарья Никифоровна жила ожиданием летних отпусков. Сберегала к этому времени снедь: яички, мясо. А в дни приезда кого-нибудь из сыновей варила терпкий малиновый квас. Уж очень любили его ребята. И летала мать, как на крыльях. Устали не знала...

Женился старший. С молодой женой отправился отдыхать к теплому морю. К матери «заскочили» на обратном пути. И то радость Дарье Никифоровне. Уж как она за невесткой ухаживала, как старалась угодить ей! А та на прощанье пообещала свекрови приехать на следующий год обязательно. Да видно некогда было – не приехали.

Только через два года появился в доме старший. У него в ту пору родилась дочь, и прибыл он к матери не затем, чтобы навестить, а чтобы уговорить ее поехать к нему на постоянное жительство.

– Чего ж тебе здесь одной маяться. В твои ли годы с таким хозяйством возиться?

– А что с домом делать? Ведь пропадет без хозяйки, – заплакала мать. – Да продать его. Нашла чего жалеть...

А ей тут каждая щепочка, каждый крючок дороги. Всю жизнь благоустраивала она свое жилище в надежде, что ко-

гда-нибудь вернуться ее сыновья под родную крышу. А они...

Мать понимала: нелегко ей там будет, в городе. Но разве откажешь родному? И продала она дом. И поделила поровну между сыновьями деньги, полученные за него...

У старшего сына за внучкой появился внук, а затем другой. Всех вынянчила Дарья Никифоровна, выходила до самой школы. А сама поседела, поблекла. Шутка ли? Одно дело в молодости с детьми возиться, другое – в старости.

Тут пошли дети у среднего сына. Стал он звать в гости. И рада бы поехать, да нету сил-то уже. Отказалась. И перестал сын письма слать.

Нелегко было перенести это матери. Тем более что теперь и невестка старшего сына поглядывала на Дарью Никифоровну косо: нужды в няньке не стало, а убрать казенную квартиру – дело нехитрое. От этих взглядов у старой кусок изо рта валился.

Однажды, страдая от бессонницы, она тихо-тихо вышла из своей комнаты в коридор. Дверь в спальню сына и невестки была приоткрыта. Оттуда доносился разговор.

– Погостила у нас, теперь пусть к другому сыну съездит.

– Ее же там с ребятишками возиться заставят, а она стара и слаба.

– Что же, по-твоему, и будет она все время у нас? В конце концов, братья твои тоже обязаны свою мать кормить.

– А что делать? Средний вот и писем не пишет.

– Скажи, чтоб алименты на него подала, да и на геолога,

кстати. Немало, чай, зарабатывают...

Наутро Дарья Никифоровна заявила, что поедет в Минск, к среднему. Невестка остаться не уговаривала. Сын, отводя глаза в сторону, попросил подождать до получки: деньги на обнови потратили, вряд ли хватит на билет до Минска.

– Зачем ждать, у меня от дома-то осталось немножко. Сама возьму.

А ехать Дарья Никифоровна собиралась вовсе не в Минск, а в родную деревню на Орловщине. Там, как писали ей два года назад соседки, можно было недорого купить старенький домик. Чтобы не тратиться особенно дорого, билет купила в общий вагон...

– Да, история, – только и сумела сказать Аннушкина попутчица, когда Дарья Никифоровна закончила рассказ о своей жизни. Аннушка же вообще не могла сказать ни слова. Щемлящая сердце жалость что-то перевернула в ее душе. Она смотрела на бабусию с простенькой подушкой под боком, на ее старенькую, видимо после снохи, шерстяную кофту и представила свою свекровь. Вот также трудно растила она сына, а теперь ради счастья его мирится со строптивостью ее, Аннушки, и ведет нелегкое хозяйство. Что-то на душе у нее? В какой дороге, кому откроет она сердце?

– Дарья Никифоровна, – после некоторого молчания спросила женщина. – Купите вы дом – сыновьям об этом напишите?

– А для чего ж я еду на родину? Чтоб потом их к себе в

гости пригласить. Наварю малинового квасу, уж как угощу всех. Радость-то для меня будет!

Аннушка, пораженная, сидела молча до самой Москвы. Когда поезд прибыл к перрону Ярославского вокзала, она подхватила нехитрые узелки Дарьи Михайловны, узнала в справочном, как добраться до Орла, и проводила попутчицу до касс Курского вокзала.

– Счастливая та мать, что сына за тебя отдала, – благодарила Дарья Никифоровна попутчицу. Аннушка покраснела. Глаза подернулись влагой. У Курского вокзала она зашла в сверкающий стеклом и сталью магазин с красивым названием «Людмила» и купила там единственную вещь – шерстяную шаль... Для свекрови. В тот же день, никуда больше не заходя, она уехала из Москвы домой.

Продолжение рода

Ольга Николаевна уезжала из Пилатова прохладным августовским утром. Соседки, с которыми прожила она бок о бок более двадцати лет, провожали ее чуть ли не до самого Черного оврага. Давали советы, желали счастья и тоже плакали. Шутка ли, идет Ольга на пятерых ребят в чужую семью, в чужую деревню!

Павел Жиганов, механизатор из соседнего колхоза «Родина» был горяч. Еще до войны, в молодцах, снискал себе славу двужильного работника. С фронта вернулся – медали и ордена во всю грудь. В пятидесятые, когда началось освоение целины, оставил Павел родную деревню Старово, дом – «пятистенки» и махнул с семьей – женой и пятью ребяташками в Зауральской степи.

Но через два года вернулся. Вдовцом. Работал он теперь с каким-то ожесточением, стараясь забыть утрату. Но о ней постоянно напоминало запустение в доме, который сразу как-то поосел, посерел.

– Хозяйку бы надо, – говаривали соседи. Жиганов от этих слов весь сжимался, до боли стискивал зубы, перекатывая на скулах желваки: кто же отважится пойти за вдовца с такой оравой.

...Это было в конце сентября. Стояла теплая погода. Ольга Николаевна сгребала в овражке отаву. Изредка поглядывала

вала, как против ее покоса, за Черным оврагом оранжевого цвета «ДТ» распахивая оржанище. Когда сено было уложено в копны, Ольга присела отдохнуть. Подумала: «Неплохо бы за погоду и привести отаву домой, а то намочит еще. Сентябрь – месяц ненадежный».

И будто кто прочитал ее мысль. Трактор, работавший по ту сторону оврага, вдруг остановился. Тракторист, мужчина лет сорока пяти в замасленном комбинезоне высунулся из кабины:

– Эй, хозяйка, сено-то, чай, под крышу отвезти надо?

– Да не помешало бы!

Трактор взревел и двинулся к деревеньке Новенькое. Минут через пятнадцать появился снова, только сзади него, вместо плугов, была тележка. Рыча, «ДТ» решительно двигался к кромке оврага. «Да, неужели, и в самом деле на мою сторону решил перебраться? – со страхом подумала Ольга, – перевернется ведь на склоне, такая кручина!» Она побежала навстречу, закричала, замахала руками. А когда трактор ударил гусеницами по откосу, в ужасе закрыла глаза.

– Ну, чего перепугалась, – посмеивался довольный тракторист после удачной переправы.

Павел Жиганов – это был он – помог и убрать Ольге сено на «поветь». От денег за работу он наотрез отказался, а налить ему сто граммов Ольга побоялась. На машине мужик. К тому вспомнила, как вчера только на собрании пробирали они пьяниц и их пособников. «Небось, и в их колхозе на это

обращают внимание».

Приглашение попить чаю Жиганов принял с удовольствием. Пока закипал самовар, рассматривал фотографии и рисованные портреты на стенах избы, интересовался:

– Кто это?

– Старший брат мой Василий. В гражданскую погиб.

– А это?

– Саша, второй брат. В Отечественную голову сложил.

– А эти четверо.

– Тоже братья. И тоже на фронте убиты.

– Как? Шесть братьев погибли?

– Шестеро. Все до одного...

Николай Васильевич Самсонов – Ольгин отец – на землю становился прочно. Как частоколом ограждал себя детьми. Ему везло» шестерых сыновей родила жена. Работал он со всей неистовостью исконного землевладельца. Труд принес достаток. Николай Васильевич поставил дом с просторной горенкой и «поветью», на которую можно было въехать на тройке лошадей. Жадность, однако, не «заела» деда. Двоюродный брат Николая Васильевича – Арсентий, хитроватый мужичок, занимавшийся перепродажей скота, выговаривал, бывало, ему:

– Дурак ты, Николай. На ветер больно много бросаешь. Подумал бы о ребятах. Вырастут, отделяться начнут, что ты дашь им?

– Дам что-нибудь. Только не то, что ты для своего един-

ственного Генашки копишь, обжуливая близких и дальних.

Пути братьев разошлись окончательно с той поры, как по мобилизации ушел на войну с белобандитами старший сын Николая Васильевича, а Арсентий «сумел» прикрыть своего отпрыска какими-то хитрыми бумагами.

Все пережил Николай Васильевич, все перенес. Перенес в Отечественную и пять извещений, как пять сквозных огнестрельных ран, и смерть жены, не выдержавшей обрушившегося на их семью горя. Ссутулился, постарел дед. Но никто не видел слез на его глазах. И когда младшая дочка Ольга после гибели братьев отправилась тоже в военкомат, он ее не удерживал.

На фронт Ольга не попала, но работала на него, грузила снаряды на военном складе. Домой вернулась с медалью «За победу над Германией».

– Хоть ты, Ольга, наш род продолжишь, – такими словами встретил ее больной отец, как и она, еще не зная, что от непосильной работы дочь никогда не сможет стать матерью.

Перед смертью судьба приготовила деду Николаю еще одно испытание. Забытый всеми в деревне объявился сын умершего еще до войны Арсентия – Генашка, неизвестно где пропадавший.

– Узнаешь? – пришел он к дяде. – Как видишь, жив род Самсоновых, но не по твоей линии.

И вновь исчез на долгие годы. Злой, по-отцовски хитрый комбинатор, которому в нашем времени не нашлось ни ме-

ста, ни товарищей.

После смерти отца Ольга чувствовала себя особенно одиноко. Извечная женская потребность заботиться о ком-либо не находила выхода. Она с завистью смотрела на сверстниц, окруженных детишками, и совсем не понимала тех матерей, что покрикивали на своих шалунов. Как удушье, подступала порой к ней неистраченная материнская нежность.

...Павел Жиганов смотрел на Ольгу более чем внимательно. Простое, открытое лицо. Бесхитростная детская улыбка. И странное дело: вот слушает он ее излияния, а ему легко, как будто лучший друг открывает Павлу душу, а он проникается сочувствием к нему. Более того, самому захотелось поведать о своих горестях и по-бабьи посетовать на жизнь.

Через месяц Жигунов завернул в Пилатово. Зашел на чай к знакомой. Зашел с твердым намерением сделать предложение...

На селе при всей строгости нравов главным критерием в оценке человека является его отношение к труду. Ольгу, работающую, скромную, Старово приняло быстро. А вскоре услышала она и пронизывающее сердце, заветное слово – мама. Первым произнес его Алешка – «востроглазый мальчонка». Произнес, когда Ольга после бани надела на него чистенькую, отглаженную рубашку и, добродушно улыбнувшись, сказала:

– А теперь можно и побаловаться.

Похорошел как-то, принарядился дом Жигановых. Заби-

ла под его крышей нормальная хлопотливая жизнь.

...Летели годы. Вышли замуж дочери Людмила и Инна, женился сын Юрий. Младший Алешка, окончив школу, решил связать судьбу с родной деревней, пойти по стопам отца и матери. «Дал-таки побег крестьянский корень. Будет, кому нашу старость тешить», – сладко рассуждали Павел и Ольга.

Как-то с Алексеем они надумали побывать в Пилатово. На подходе к деревне им повстречался обрюзгший, неряшливо одетый мужчина. «Самсонов», – мелькнула мысль у Ольги. Ей захотелось свернуть в сторону, но было поздно.

– Никак ты, сестрица? – спросил он хрипло. – А это что за парень?

– Сын мой, – отчеканила Ольга. И, не оглядываясь, быстро зашагала вперед.

А вскоре в деревню пришла весть, что Самсонов умер в доме престарелых, не оставив на земле ни доброго следа, ни светлой памяти.

Соседи

Говорят, что из всех отпущенных человеку благ на земле вряд ли что может сравниться с радостью дружеского расположения к нему, взаимности и понимания. Точность этого наблюдения мы ощущаем постоянно, наверное, ежедневно, общаясь и с товарищами по работе, и с соседями по дому, квартире. С соседями-то в первую очередь. И особенно на селе, где эти отношения выражаются наиболее непосредственно и ярко, и где не случайно родилась поговорка: соседство – взаимное дело.

«Добрый сосед! Как это много значит, – читаю я в письме Маргариты Милюшиной из Ярославской области. – Он в первую очередь – настоящий товарищ, способный понять тебя и помочь в случае надобности. Помню, бабушка моя часто говаривала: «Не надобно ржи сусек, если есть добрый сосед». Вот таким человеком для меня оказалась Тося Антонова, благодаря которой я, с пяти лет сильно болеющая, обрела в себя веру и стала полноправным членом нашего общества. Это она каждый вечер забегала к нам в дом, присаживалась ко мне и рассказывала о мужественных и волевых людях. И это она привела меня к себе на работу, помогла освоиться в диспетчерской. Мне думается, на таких отзывчивых и душевных людях и держится мир». Это убеждение девушки разделяют многие авторы писем. Приводя приме-

ры взаимовыручки и искреннего участия, взаимопомощи и добросердечия со стороны соседей, они в своих суждениях по этому поводу идут еще дальше.

«Нередко считают, что взаимоотношения между соседями носят только личный характер, – пишет Василий Филиппович Дружинин из Симферополя. – Соседи ходят друг к другу в гости, живут, как говориться в мире, бывает и наоборот, но все это будто бы никак не сказывается на других и особого влияния на жизнь, допустим, всего села, бригады или отделения нисколько не оказывает. Но ведь это не так! Добрые или недобрые взаимоотношения между соседями, по-моему, создают предпосылки для поддержания того морального климата в коллективе, от которого зависит, насколько люди требовательны к себе и окружающим, доверительны, честны и порядочны. А ведь от моральной атмосферы – кому неизвестно? – во многом зависят и трудовые успехи людей».

Прав Василий Филиппович, безусловно, прав. Читая его письмо, мне вспомнился рассказ, услышанный однажды от управляющего отделением совхоза «Пушкинский», что в Липецкой области, В. Старцева, о красивой дружбе живущих в соседстве двух механизаторов – Михаила Толкалина и Владимира Слепова. Нет возможности поведать о ней подробно, но об одном эпизоде не могу умолчать. Проходил в хозяйстве перед посевной кампанией смотр готовности техники к полевым работам. Члены специально созданной комиссии

выявляли упущения, предписывали устранить их в определенный срок. Все это было, понятно, принято к сведению, и недостатки, что комиссия отметила, устранили быстро. И тут-то соседи-приятели решили провести еще одну проверку машин – чисто свою, товарищескую. И еще обнаружили такие отклонения от нормы в их работе, о которых члены комиссии и не догадывались.

Товарищеский контроль – он всегда более требовательный, к тому же Слепов с Толкалиным, работая в коллективе, знали прекрасно, кто там добросовестно относится к делу, а кто с прохладцей. «Эта проверка здорово нам помогла, – признался мне управляющий и заключил: – Вот к каким отрядным результатам приводит доброе соседство».

Что и говорить, радостно слышать такое. И тем более горько встречаться с фактами иного порядка. Я держу в руках отклики на статью «Напраслина», опубликованную в «Сельской жизни» 24 августа 1983 года. Это письма-исповеди об испорченных отношениях между соседями, наветах и оскорблениях, бестактности и мелких, но повседневных обидных уколах, что как пыль в бархате, копятя постепенно, а засядут – не выбьешь. Больно читать эти послания. Больно, оттого, что понимаешь: за каждым из них стоит повергнутая в смятение, в пучину злости и желчности человеческая душа, а следовательно жди беды. И я соглашаю с теми товарищами, которые гневно осуждая распушенность, грубость и хамство, говорят о необходимости внимательнее присмат-

риваться к взаимоотношениям между соседями общественным организациям.

«Порою за так называемыми житейскими конфликтами, — пишет нам Терентьев из села Ломовки Саратовской области, — кроются глубокие, общественно значимые вопросы. Вот тому пример. Смешно сказать, но так было: нас обвинили в том, что мы напустили порчу на соседских коров, обладая какими-то «чарами». Я понимаю, по невежеству некоторые люди чего не скажут. Но ведь те, кто по долгу службы призван вести воспитательную работу, должны бы этот факт взять на заметку и провести соответствующие беседы. Тем более, что знают они о случившемся».

Правильно рассуждает товарищ Терентьев. Нельзя оставлять подобное без внимания. И нередко случается так, что те же «темные» люди, прикидываясь простачками, формируют вокруг себя своеобразный моральный климат, затягивают, как в трясины, неискушенные души. И в итоге воинствующее мещанство — явление, порочащее нашу действительность, если его не разоблачать сообща, — начинает прогрессировать. Знаю, есть люди, рассматривающее соседство только как «подглядывание в замочную скважину». Но существует другая крайность: полнейшее равнодушие к тому, что творится за пределами собственной усадьбы. Живя по принципу «моя хата с краю», такие люди не хотят обращать внимание ни на поведение соседа, каким бы хорошим или плохим оно ни было, ни на то, как себя чувствует он, какие

радости или заботы испытывает. А это тоже плохо.

Иногда мы вдруг узнаем: такой-то работник, бывший на хорошем счету у администрации, неожиданно вроде бы совершил тот или иной поступок. Затем другой, третий... Начинаем разбираться и видим: падение его началось давно. И об этом знали соседи. Одерни его они вовремя, скажи честно и прямо правду в глаза, забей тревогу – глядишь, и не опустился бы человек. Ведь мы считаем – и по праву – основным воспитателем коллектив. А соседи – это тоже коллектив, хотя и небольшой, и своеобразный.

При присвоении работникам, скажем, таких высоких званий, как ударник коммунистического труда, победитель социалистического соревнования, всегда принимается во внимание и то, как ведут они себя в быту, как «расходуют» свободное от работы время. И тут, пожалуй, есть смысл послушать соседей. Конечно, слушать надо не злопыхателей, не кляузников, а порядочных, честных людей. И коль коснулись мы свободного времени труженика, стоит сказать, что это время – отнюдь не время, свободное перед обществом.

Мы должны постоянно заботиться, чтобы люди досуг свой и отдых использовали активно, для всестороннего собственного развития и тем самым еще больше способствовали процветанию нашего общества. И, очевидно, толковое использование человеком свободного времени будет во многом зависеть от того, в каком окружении находится он после работы, с кем поддерживает отношения, кто его сосед. Повторяю:

соседство – взаимное дело.

Слепая любовь

Никто в селе и верить не хотел, что Ефим устроил в доме скандал: выгнал на улицу дочь, поднял руку на жену. Может, наоборот, его из дома выгнали? Все знали Ефима как человека работающего, тихого, а жену его Василису как женщину властную, своенравную. А уж про дочь Эльвиру и говорить нечего. Нигде не работающая, она не то что отца, но и мать ни во что не ставила.

И все-таки скандал был. Трезвый, спокойный Ефим разбушевался, да так, что супруга его вынуждена была вызывать к общественности.

Председатель товарищеского суда Николай Иванович Лесиков, побывав у Борисовых, вернулся в контору в растерянности.

– Что? Прикидываешь, когда лучше собрать заседание? – спросил его председатель профкома Василий Егорович Головин.

– Да погоди ты с заседанием, Егорыч, – ответил Лесиков. – Кого судить-то? То ли Ефима, то ли жену его с дочкой?

...Эльвира «хандрила». Приехав с курорта, она теперь целыми днями томно глядела вдаль, а то с утра уходила на речку и почитывала книжечки. Даже проводить в детсад и забрать оттуда ребенка своего и то не хотела.

«Ведь и не стыдно, знать! Молодая женщина, а ничего де-

лать не хочет», – шли по селу пересуды. Услышит их Ефим, помрачнеет, сникнет весь. Дома не раз начинал разговор на эту тему с женой. Но Василиса пресекала его. Какая Эльвира колхозница? Вот подрастет малыш и уедет в город она. Ребенок в колхозный детсадик ходит? Тоже мне, нашли попрекать чем! Переспорить Василису, будь она и десять раз не права, было невозможно, а он настоять на своем не умел. Ефим беззвучно злился на себя, на жену и дочь, видя, как та, полулежа на диване, коротала вечера у телевизора, сердито хлопал дверью, уходил в построенную прошлым летом на огороде баню и курил, курил...

Да, не очень-то сложилась жизнь у Ефима. Его городская жена так и не прибилась к селу, так и не оценила ни его дела, ни его сердца. Откровенно говоря, он побаивался Василисы – женщины в его понятии очень развитой – и по простоте душевной считал: не пара она ему, деревенскому парню. И, боясь потерять сокровище свое, он, бесхитростно любящий, старался не перечить супруге, угождать ей.

Будь Василиса подушевнее да попокладистее, оцени по достоинству кроткое сердце мужа, не было бы счастливее и краше семьи. Но заносчивая и грубая, она, чем больше подлаживался к ней муж, тем больше «сминала» его. А материнскую свою любовь выплеснула на единственную дочь. Выплеснула безрассудно, слепо. Сначала необычным у девочки было только экстравагантное имя. Затем молодая мамаша постаралась украсить его необыкновенного покроя и рас-

цветки костюмчиками, кофточками, платьяцами. Наверное, особой беды в этом и не было бы, если б, обряжая Эльвиру, Василиса не преследовала одну-единственную цель – подчеркнуть этокое превосходство своего дитяти над остальными, а заодно утвердить и себя среди матерей как человека особого.

С этого, собственно, все и началось. И чем дальше, тем больше. Со школьных лет невыдуманные наряды, в пятом классе – часы, в шестом – дорогие сережки. Работай, отец! И он работал: конюшил, топил кочегарку, шабашил. И все – ни в честь, ни в славу. Дочь и жена не проявляли интереса к делу его, ни разу не спросили: как работается тебе? Не тяжело ли? Конечно, в работе его нелегкой, а порою и грязной привлекательного было мало. «Но ведь благодаря ей живет безбедно семья моя, – рассуждал иногда Ефим. – Дело мое и колхозу нужно. До электроники-то на фермах далековато еще, а навоз всегда будет пахнуть».

Обидно становилось, особенно если замечал, а это случилось все чаще, что жена стесняется его, когда приезжают к ней городские подруги, а капризная, особым тактом не отличающаяся дочь вообще относится с пренебрежением к труду крестьянскому.

Эх, поздно, слишком поздно начал он понимать, что нельзя быть таким добреньким! Нужно было почаще, с детства, заставлять девицу свою домашние дела делать. Глядишь, и не выросла бы такой. И, наверное, в жизни определилась бы

не так...

После десятилетки поступила Эльвира в техникум. Мать на крыльях летала. Приободрился и Ефим, веселее стал смотреть в глаза односельчанам. Но после первой же сессии отчислили их дочь за неуспеваемость.

Мать сбилась с ног. Как быть? Забрать домой дочку? Стыдно. Возвышала, мол, возвеличивала Василиса свое чадо, а оно вон как обернулось.

Какой-то знакомый Василисы пристроил Эльвиру в Липецке техническим секретарем. А вскоре вышла замуж. И через некоторое время привезла родителям внука на воспитание, а сама обратно уехала. Как там жила Эльвира с мужем, отец представлял слабо. Навестившая молодых мамаша хвалила зятя, говорила, что надо бы молодым пособить деньгами: «Пусть встанут на ноги, да на частной квартире живут». Отец не перечил. Полетели в город посылки и переводы.

А на лето приехала дочь к матери и отцу. Одна. И узнал Ефим горькую правду, что дочь его нигде не работала, а с мужем жила без оформления брака. Поссорилась, и возвращаться к нему не будет.

Однажды шел Ефим поздно вечером с работы. Устал, как говорится, ноги бы до дому донести. С утра копался в огороде, потом ездил в лес. Во всех окнах дома ярко горел свет, а в большой комнате был празднично накрыт стол. За ним сидели улыбающиеся Василиса и Эльвира, а рядом с ними какой-то «импортного» вида мужчина – в темных очках и

спортивном свитере. Погруженный в нелегкие думы, Ефим открыл дверь в сени и загромыхал кирзовыми сапогами по дощатому полу. Едва взялся за ручку, дверь распахнулась и на пороге появилась Василиса. Заговорила жарко, торопливо, угрожающе: «Куда прешь в таком виде, гость у нас – не видишь. Иди в баню!» Наутро выяснилось, гостем был курортный жених Эльвиры.

В другой раз, придя с работы, Ефим застал только следы нового «зятя»: горы грязной посуды, пустые бутылки из-под дорогого марочного вина. «Стыдятся отца родного, вертихвостки, не показывают горожанину. А знают ли, кого привечают? Такого же захребетника, как и сами. Семью бросил с двумя ребятишками. Теперь, ишь, разъезжает по курортам да и по деревням». Ефим накалялся все больше и больше. Как человек, не умеющий высказать, выхлестать горечь свою в словах, он бурлил внутренне. Боль и горе душили его, требовали выхода. И он «поднялся...

– Ну и что же ты предлагаешь? – спросил Головин Лесикова, выслушав рассказ о борисовской беде.

– Я так полагаю, Егорыч, что тут не только мне следует выводы выводить. А и тебе, и парткому, всей общественности нашей... Скажи, ты никогда не задумывался, почему происходит такое: одни, как Ефим, не могут себе жизни представить без труда, а другие около них прохлаждаются?

Головин насупился.

– Наверное, весь секрет, Иваныч, в привычке к труду, ко-

торая особенно велика у людей нашего с тобой поколения.

– Но ведь привычка-то не с неба свалилась, а приобрета-лась. Вспомни, как ты в военные годы в поле начинал рабо-тать? Не было скидки на молодость. Время, говорят, теперь не то. Какое время ни будь, плодить захребетников не де-ло, брат. Не научим детей своих работать, они уважать нас перестанут. Вот он – пример, семья Борисовых. – Лесиков помолчал, вздохнул: – Да что там Эльвира! Иные тоже не больно-то стараются, как бы не перетрудиться. А отсюда и до иждивенчества недалеко. Так и забыть можно, что человек у нас не только право на труд имеет, но еще обязан работать добросовестно.

– Прав ты, конечно, – согласился Головин, – но мы от-влеклись от Борисовых. Как с ними быть?

– А как быть? Суд товарищеский собирать нужно. И все, о чем мы сейчас говорили, надо довести до людей, до их со-знания и совести. Полезный разговор может получиться, а?

Иначе – ты чужой

В не столь уж давние советские времена, в кои многие из нас жили и «здоровались», нравственное воспитание граждан, о чем свидетельствуют и приведенные выше материалы, стояло во главе угла деятельности общественности и организующих правящих сил. Стоит ли говорить, что мы, работники средств массовой информации, были постоянными проводниками идей единения народа и власти, свято верили в это единство, осуществляя обратную связь трудящихся с руководством страны. И это давало хорошие результаты. Хотя мы прекрасно знали, сколько в душе человеческой таится непознанного и темного и как нелегко пробивается к свету душа, если ей не помогать в возвышении. По этому поводу сетовал ведь еще Сократ. Помните его беседу с одной из гетер, которая заявила самодовольно мыслителю:

– Ну, что твои поученья ученикам, философ? Стоит мне поманить пальцем, и любой из них пойдет за мной.

– Да, – сказал Сократ, – тебе легче: ведь ты зовешь вниз, а я вверх.

Так что мало, выходит, господа хорошие, просто отражать, скажем, существующую нелюбимую действительность, чем так любят кичиться современные «акулы пера», а надо еще и помнить евангельские заповеди, как-то: невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они

приходят.

Подумайте, подумайте, господа, что живописуя людские пороки, не культивируете ли вы их, и не являетесь ли таким образом рьяными проводниками греха?

Мы, атеисты, старались этого избегать всеми силами. И результат, подчеркну, добрый результат, от этого был. Мне очень хочется привести хотя бы частично, стенограмму собственного выступления на одной из летучек в газете с десятиmillionным тиражом «Сельская жизнь», где довелось мне редактировать еженедельно выходящую полосу «Деревенские вечера», нравственный аспект в материалах которой являлся доминирующим.

Итак, «Деревенские вечера». Надо сказать, что родилась эта полоса не в одночасье. Была у нас такая рубрика. Давали мы под ней больше и чаще всего материалы о том, как прошел тот или иной деревенский праздник, с приглашением то ли заезжих артистов, то ли своих самодеятельных. Душевные были материалы, теплые. Потом мы даже стали делать попытку – показывать принципы организации этих вечеров, знакомить с деятельностью методических центров культпросветработы, но в редакции раздался тихий ропот: зачем нужна сухая технология! Верно, технологии, и сухой, и мокрой, у нас и без отдела культуры хватает. Я как-то говорил: одно дело, когда в производственном отделе напишут: вышли в поле десять комбайнеров и намолотили столько-то, да притом еще для очеловечивания назовут фамилии передовиков, и другое

– мы. Вышли на сцену 15 участников художественной самодеятельности, спели 20 песен и романсов, сорок процентов из них солистами Петровым и Сидоровым были исполнены на «бис». Нам такое никто не простит. Да и мы себе тоже.

Материалы нашей полосы не грешат объемом, они не велики по размеру, но это не мелочь по содержанию. И написание их потребовало ювелирности и краткости. А ведь Чехов еще сказал: краткость – сестра таланта. Да что Чехов, классик. Вот и Маршак понимал, что значит написать маленькую вещь. Сказывают: попросили его написать к празднику для одной газеты стихотворение. Он отнекивается. Не могу, времени нет. Его убеждают, наседают: ну, хотя бы маленькое. Так это, говорит, еще труднее, как маленькие часики сделать.

Конечно, поскольку на полосе много рубрик – то и тематика не может быть однообразной. Странно вроде бы, коль говорю, о каком-то одном ключе. Ключ этот – тон, манера подачи. А тон материалов полосы, как уже не раз замечали обозреватели, сердечный, доверительный. Правильно, он таков. Я бы только добавил, быть может, доверительный, с элементами добродушного юмора.

Вероятно, этот тон можно назвать даже лицом полосы. И очень удачным. Эта доверительность и привлекает наших читателей. И хочется людям поделиться сокровенным. Человеку очень важно познать мир собственным сердцем. Это значит научиться сопереживать. Ведь беда нашего торопливого рационального века как раз и заключается в том, что он

разучился это делать.

А наши отцы и матери, несмотря на нужду и замотанность, могли, умели. Быть может, потому и обращаемся часто к их душевному опыту. И не надо нас упрекать в ностальгии по старому, когда толкуем о гуляньях молодости нашей, о деревенской околице, чистой речке детства. Это не пустое вздыхание по ушедшему навсегда. Мы просто хотим подчеркнуть, что старый, добрый мир человеческих отношений – хорошая основа для современного индустриализованного, научно-технического бытия. Понятно, старое мы стремимся поддержать еще как памятники, без коих было бы кругом мрачно и неуютно, как в новом московском микрорайоне. Даже если там и чисто, и работают магазины, и водопровод.

Немножко отвлекусь. Наверное, каждый из нас испытывал какое-то особое ощущение и подъем духа, попадая в кварталы старых городов, в места давнего обитания человека. Почему это происходит? Вот сейчас очень много говорят, в том числе философы материалисты и марксисты, о биополях человеческих, которые даже после исчезновения человека остаются. Так, может быть, нас и тревожат и волнуют так сильно места старых поселений, что там сохранились биополя предшествующих поколений – поколений сильных, цельных?

И если это так, то это совсем неплохо. Пусть волнуют. Мы, потомки, должны вобрать в себя их нравственный опыт. Как

говорил Ленин, коммунистом можно стать только тогда, когда усвоишь все, что до тебя выработано человечеством. Так что, образно говоря быть почаще рядом с прошлым, которое, как выразился один публицист, дремлет в будущем народа, порой просто необходимо. Не спорю: есть опасность идеализации прошлого. И тем не менее, она несоизмерима с идеализацией будущего. Прав Василий Белов, сказавший: «Бесы ругают прошлое и хвалят будущее. Будущее для них вне критики. Надо оторвать ярлык мнимого оптимизма, который нам коварно приклеила жизнь». Но вернемся к своим баранам. Хотя бараны здесь на «Деревенских вечерах» – духовность. Которая, как известно, очень сильно выражается в слове. К слову у нас, думаю, никто не упрекнет меня в излишнем хвастовстве, отношение трепетное. Другое дело спешка, нехватка времени. Все же еженедельная полоса – это не шутка. Конечно, кое-кто считает, что мы сопли размазываем, говоря душевно и сердечно. Что ж не собираюсь их переубеждать. Но что такие сопли – это огромный труд, воспринимаемый с огромной благодарностью читателями – это и наши скептики – оппоненты, думаю, понимают. В лучших материалах слово есть. Даже в подписях к снимку. Ну, разве не вызовет отклика хотя бы такая «текстюля» под слушающими патефонную песню мужем и женой: «Еще не зная их имен, только увидев этот снимок, мы уже знали о них самое главное: что жили они честно, что любили друг друга всю жизнь, что этот дом с крылечком и сад в цвету светили

им радостью с дальних и ближних дорог и давали им силы в самые трудные дни».

А послушайте, какая сила выражения и трагедийной поэтизации звучит в материале о солдатских вдовах «Верность». Вроде бы уж сколько написано о них, но так! «Падали на ночь в траву чистые росы, брели туманной околицей села рассветы и закаты, зябко кутались в снег больные зелена, вновь на чистых и сонных, как сама заря, речных плесах безмолвно купалась русалочья радость – застенчивые кувшинки, а они день за днем горестно и мужественно несли свою одинокую материнскую службу».

На первый взгляд может создаться впечатление, что «Деревенские вечера» это полоса создающая только настроение. Это, кстати, уже тоже немало. Но я хочу сказать, что мы не только витийствуем. Мы учим людей общению, познавать жизнь сердцем, что, как я уже подчеркивал, так важно. Люди устали от трафарета, казенщины, заорганизованности. И если не дать им выговориться нормально, чего доброго произойдет авария страшнее Чернобыльской.

Повторяю, тон у полосы разговорный, доверительный. И, исходя из этого, не каждый материал, даже касающийся досуга, можно на нее пристроить. Вот, например, есть у нас письмо худрука из Башкирии о трудностях с музыкальными инструментами. Вроде бы как раз для «Деревенских вечеров» – но не даем. Манера не та – резкая. А это больше подходит для полосы писем. Не подумайте, что я ставлю поло-

су писем ниже «Деревенских вечеров». Ни в коем разе. Просто хочу сказать: они отличаются, должны отличаться друг от друга.

«Деревенские вечера» – это как бы деревенская мирная чайная, а полоса писем – это разговор в кулуарах после официального собрания, где напористость, откровенность и требовательность звучат с особой силой.

У нас общезначимые проблемы подаются немножко философичнее и поэтичнее. Кстати, в стихах уместна на полосе и заостренность. Наверное, многие читали стихи Виктора Логинова из Кабарды. О, о, о, как режет парень. «Мы все летим к звезде своей, где нужен дух прочнее стали». Или «я на камнях ращу цветы, чтобы душа не огрубела». А о деревне: «отошла нищета от порога, только жаль не от каждой души». Или малой родине, которую он воспеваает в стихах, а она ему говорит: «Не надо мне песенной славы, мне руки нужны, помощи!»

Я уже как-то говорил, удайся такие стихи Михалкову – он бы себе очередной орден потребовал.

Мне кажется, за два года полоса обрела свое лицо, своего читателя. Отделу понятно это. Исходя из этого, строим работу. Стремимся к лучшему, роемся в письмах. А это адский труд. Кто с ними не работает, конечно, того не поймет. Письма ведь чем еще так опасны – они увлекают. И порой так, что мы начинаем под рубрикой «Сам себе мастер» замешивать на молоке бетон. Глаз да глаз нужен.

Была попытка делать полосы попеременно с другими отделами. Надо же нам передохнуть. Знаете, не получилось. Чтобы делать полосу надо болеть ею, чувствовать ее. Набить ее просто материалами, даже и подходящими по теме, значит убить полосу. Читатели мигом почувствуют – без настроения. И грош цена тогда ей.

Что бы я предложил. В свое время я работал в районке, был ответственным секретарем, так вот, чтобы сделать газету живой, мы вменили чуть ли не в обязанность всем сотрудникам, там их немного, привозить из каждой командировки репортаж, независимо от того, зачем ты поехал в командировку. На этом мы выверяли и мастерство журналиста.

Почему бы и нашим разъездным корреспондентам не привозить из командировок по 100–150 строк теплоты для «Деревенских вечеров».

Это могло бы стать и тебе характеристикой, что чувствуешь, понимаешь деревню изнутри. Иначе – ты чужой».

Словно чистая криница

Нет, ошибаются те, кто утверждает, что, мол, черствеем мы душами, что людское общение отстывает, предпочитая былым посиделкам в часы досуга одиночное сидение у телевизора.

Получаем на днях огромный пакет, вскрываем его, а там, один к одному, десятки конвертов с письмами, адресованными жителю рязанской деревни Ильинка В.И. Мокроусову. Недавно на последней странице мы рассказали о нем в зарисовке «Солнечные блики». Так вот, прочитав в газете о добрейшей души человеке, и потянулись к нему люди. Со всей страны посыпались письма, часть которых с разрешения героя нашего и прислал в редакцию автор заметки о нем.

Лежат перед нами простые, бесхитростные, но такие прекрасные человеческие документы. Будто бы и нет ничего в них такого особенного – люди делятся новостями, ведут незатейливый разговор о жизни, просят совета, открывая и изливая душу незнакомому вроде бы человеку. А вдумаясь: как же отзывчивы и внимательны наши люди, сколько тепла, широты и любви хранится в сердцах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.